

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГО-РИТОРИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

РИТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

ГОЛЫШКИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат филологических наук, доцент, декан факультета повышения квалификации преподавателей ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет», Новосибирск, Россия

Email: Ludmila200273@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена обоснованию возможностей риторического текста выступать в качестве средства управления общественными процессами путем осмысления его типологических параметров и лингвориторического анализа механизмов формирования.

Ключевые слова: риторический текст, функция управления общественными процессами, эффективность, типологические параметры, текстообразование.

RHETORICAL TEXT AS MEANS OF MANAGEMENT OF SOCIAL PROCESSES

LUDMILA GOLYSHKINA

candidate of philology, associate dean of the faculty of teacher Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Email: Ludmila200273@mail.ru

ABSTRACT

Article seeks to substantiate the rhetorical possibilities of the text to serve as a means of managing public process by understanding its typological parameters and lingvoritoricheskogo analysis of mechanisms of formation.

Keywords: rhetorical text, the control function of social processes, efficiency, typological parameters, creation of text.

Сегодня практика анализа процессов массовой коммуникации позволяет лингвистической прагматике трактовать текст в качестве средства, актуализирующего функцию управления социальной реальностью. При этом функциональный аспект рассмотрения текста мы неразрывно связываем с понятием речевой эффективности.

Проблемы речевой эффективности составляют ядро исследовательского поля риторики, которая определяется большинством современных исследователей как наука о целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи, то есть теория эффективной коммуникации [13. С. 32; 14. С. 327]. Такое понимание риторики подтверждается мыслью Ю.В. Рождественского о том, что «риторика есть искусство управления общественными процессами. Риторика объясняет категории политологии и является инструментом развития экономической деятельности, образования и культуры» [15. С. 99].

Объектом теории эффективной коммуникации выступает текст особого типа – текст риторический, призванный не просто транслировать сообщение, но осознанно воздействовать информацией на действительность, реализуя установку на получение ответной реакции коммуникантов. Осмысление эффективности риторического текста (далее – РТ), а также его возможности выступать

коррелятом инструмента управления общественными процессами предполагает его оценку с точки зрения того результата, который текст оказал / не оказал на положение дел в социальной действительности.

С нашей точки зрения, действенность РТ, его возможности в части выполнения функции управления кроются в потенциале его типологических свойств, определяющих его специфику, а также в механизмах формирования такого текста.

Современная теория риторики рассматривает феномен РТ сквозь призму многоступенчатого процесса создания автором устного или письменного текста, исполнения этого текста и рефлексии адресантом завершённой деятельности. Кроме того, для понимания природы РТ значим и процесс реконструирования его замысла адресатом. РТ трактуется исследователями как потенциальный диалог и характеризуется следующими параметрами: **авторство**, **адресность**, **диалогичность** как следствие отношений автора и адресата, **целостность** и **связность**, **влиятельность** как результат опять-таки отношений автора и адресата, **ситуативность**, или **уместность** по отношению ко времени и месту общения, **жанровость** [12]. Кроме того, РТ обладает такими свойствами, как **осознанность**, **публичность**, **аргументированность**, следствием

которой выступает **персуазивность** [8. С. 6].

По мнению А.В. Голоднова, под РТ понимается текст, «доминирующей коммуникативной функцией которого – в иерархии прочих коммуникативных установок – является воздействие на ментальную сферу реципиента (его мнения, оценки) с целью изменения его поведения (побуждения к совершению / отказу от совершения определенных действий). Мы рассматриваем персуазивный текст не только как сложный знаковый предмет, имеющий линейную структуру, но и как материальное воплощение комплексного речевого действия (макроакта персуазивности) с иерархической иллокутивной структурой, подчиненной глобальной интенции адресанта текста и ориентированной на реципиента» [4. С. 110].

Отметим, что персуазивность РТ обеспечивается интенциональной установкой ратора на создание текста, призванного реализовывать определенное социальное действие, получить требуемую с позиции адресанта ответную реакцию целевой аудитории на заявленный стимул, что позволяет говорить о перформативном характере РТ. Возможность трактовки РТ в качестве **текста-перформатива** предполагает его понимание в качестве такого речевого феномена, «который самым актом своей актуализации меняет некоторое положение дел в реальном мире» [6. С. 51], регулирует общественные процессы.

Иными словами, воплощение РТ в практике коммуникации

ориентировано на результат – на определенное мотивированное изменение социальной действительности, а также на утверждение в сознании аудитории разделяемых ритором норм и ценностей.

Такая лингвофилософская и одновременно прагмалингвистическая установка, с нашей точки зрения, требует включения в систему свойств РТ такого параметра, как **актуальность**. РТ обязан быть не только ситуативно уместным, но современным, проливающим свет на насущные проблемы общества и тем самым стремящимся к позитивному (с позиции ценностей ратора и аудитории) изменению действительности. Отсутствие этого параметра РТ способно влиять на степень актуализации остальных – публичности, диалогичности, аргументированности, персуазивности [7. С. 28]. Неактуальность проблематики, отсутствие привязанности к «злобе дня» вряд ли может способствовать формированию живого и скорого отклика аудитории, установлению диалога и получения желаемого результата.

Очевидно, что эффективность РТ, его функционал определяется актуализацией комплекса рассмотренных критериев. Вскрыть же механизмы эффективности РТ возможно путем проведения лингвориторического анализа избранного текста, базирующего на учете основных этапов текстообразования. Последние еще в античности получили отражение в структуре классического риторического канона,

представляющего собой технологию формирования речи и отражающего универсальный идеоречевой цикл «от мысли к слову», предполагающий воплощение основных этапов создания текста – инвенции, диспозиции и элокуции [2. С. 89–91].

Инвентивный этап создания текста заключается в ментальной разработке его содержательного пространства, в результате чего оформляется концепция речевого произведения. На диспозитивном этапе выстраивается композиция текста, осуществляется разработка процедуры аргументирования в соответствии с замыслом ратора. Элокутивный этап предполагает окончательное создание текста. Здесь происходит осмысление языкового оформления текста: тщательная селекция и комбинация лексических и синтаксических единиц, призванных реализовать интенции говорящего [2. С. 89–91; 5; 9].

Для подтверждения наших теоретических рассуждений обратимся к тексту выступления президента Российской академии наук (РАН) В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна» от 10 июля 2013 года [16], нацеленному, без сомнения, на внесение определенных изменений в действительность и на реализацию функции управления общественными процессами. Напомним, что лето 2013 года было отмечено жаркими спорами общественности о необходимости реформирования РАН, и в сложившейся конфронтационной ситуации, возникшей между

административно-управленческими структурами и РАН, выступление В. Фортова стало шагом к компромиссному разрешению проблемы. По сути, выступление президента РАН явилось инструментом урегулирования конфликта.

Осмысление инвентивного этапа текстопорождения сопряжено с определением целевой установки речи. Прагматическая цель выступления В. Фортова очевидна: урегулирование назревшего конфликта между РАН и административно-управленческими структурами, вступившими на путь реформирования данного института. В свою очередь, коммуникативная цель выявляется не столь явно. На первый взгляд, выступление направлено на информирование общественности, а именно на представление отношения РАН к определенным аспектам ее реформирования. При этом презентация позиции РАН основана на критическом переосмыслении содержания реформы, на подчеркивании ряда полемических аспектов, что, безусловно, выявляет убеждающий характер данной речи. Кроме того, официальность ситуации самого конфликта и участие в ней высокопоставленных лиц обуславливает наличие протольно-этикетного компонента в речи В. Фортова. Таким образом, рассматриваемое речевое произведение оказывается ориентированным на реализацию комплексной коммуникативной цели, получающей воплощение в речевых задачах: во-первых, проинформировать общественность,

и прежде всего Министерство образования и науки РФ (Минобрнауки России), о сформировавшейся позиции РАН; во-вторых, обозначить проблемные зоны реформы и выразить несогласие; в-третьих, соблюсти принятые в официальной ситуации протокольно-этикетные требования.

Важным шагом на этапе анализа инвенции является процедура вычленения тезиса. Мы констатируем, что в структуре данного текста тезис вербализован: во вступлении мы находим искомое суждение с субъектом и предикатом, который квалифицируем как структурно-содержательный стержень речи. Вербализация и публичное предъявление тезиса *Мы – за реформу* [16] является необходимостью в свете отмеченных прагматической и коммуникативной целей говорящего.

Воплощение сложного комплекса целей речи и подчеркнутая экспликация тезиса способствуют формированию таких типологических свойств РТ, как **авторство, адресность**, имплицитно подразумеваемое в оппозиции *мы / они*. В свою очередь следствием реализованной адресности выступает **диалогичность**, которая зиждется на критерии **актуальности** проблематики.

Описание композиционно-аргументативных параметров является целью анализа диспозитивного этапа создания текста.

В данном тексте выявляется традиционная трехчастная композиция. Вступление характеризуется предельным

лаконизмом и завершается столь же лапидарно оформленным тезисом: *Я хочу коротко сказать о позиции нашей Академии. И сделать так, чтобы мы были понятыми. И наши аргументы были бы услышаны. Первое: мы – за реформу* [16]. Во вступлении ритор использует традиционный прием формулирования задач речи, что облегчает слуховое восприятие информации.

В качестве сверхфразовой единицы композиции основной части РТ примем микротему – законченный по смыслу и структурно фрагмент речи, состоящий из отдельного суждения, полученного в результате деления тезиса, и аргументов в его защиту [1. С. 159].

Основная часть речи открывается суждением-подтезисом *Мы эту реформу обсуждаем уже в течение 2-х лет*, формирующим микротему, которую условно можно назвать «Готовность РАН к реформам». Для обоснования заявленного суждения В. Фортов использует сугубо универсальную аргументацию, неотъемлемым компонентом которой является ссылка на эмпирическое знание – на тот реформаторский опыт, который есть у РАН.

Следующая микротема формируется вокруг нескольких высказываний, которые с точки зрения риторической эффективности следовало бы, убрав модальные компоненты, объединить в одно суждение-подтезис: *<...> Мы получили этот проект. Я имею в виду предыдущий проект. И реакция научного сообщества была*

единодушной, я хочу это подчеркнуть, и резко отрицательной [16]. Выявленный риторический недочет, прослеживающийся в делении тезиса на подтезисы, обусловлен повышенной эмоциональностью и глубокой профессиональной озабоченностью говорящего.

Далее после вопроса *Почему?*, активизирующего внимание аудитории, В. Фортов реализует речевой акт несогласия с первым проектом реформирования РАН, что позволяет назвать эту микротему «Критика первого проекта реформы РАН»: *Потому что мы не можем согласиться с тем, что предлагалась ликвидация Академии наук и создание некоего нового органа. Мы – против того, чтобы Академия наук превращалась в клуб по интересам. А институты, то есть те организации, которые представляют самую большую ценность, и люди, которые в них работают, попадали бы в руки чиновников. И ими бы управляло агентство. В том, в первом варианте закона практически разваливается вся наука в регионах. Там про это сказано очень жестко и определённо. Там нет двусмыслицы. Мы не можем согласиться с тем, что собственность является основной проблемой Российской Академии наук. Совсем нет! Собственность – это очень маленькая часть наших дел. И поверьте, не она заботит людей науки. Людей науки заботит то, как наука будет развиваться, как ученый будет работать в нашей стране. И какие для него будут созданы условия [16].*

В рамках данной микротемы аргументация имеет особый характер: здесь мы отмечаем, согласно классификации типов оснований А. Хастингса, подтип причинно-следственного рассуждения – рассуждение от косвенных свидетельств к гипотезе, представляющее собой аргументацию от следствия к причине. В этом случае выдвигается ряд доказательств, которые показывают, что гипотеза, выдвинутая в утверждении, является истинной [Цит. по З. С. 110]. В нашем случае гипотезой, или следствием, выступает презентация реакции РАН (единодушная и резко отрицательная) на первый проект реформы, а доказательства, они же причины, предъявляются путем формулирования разноаспектных несогласий, например, протеста против создания особого Агентства по науке и инновациям, призванного управлять РАН. Отметим, что семантика несогласия, формируемая в рамках данной микротемы, экстраполируется затем на весь текст и становится смыслообразующим фактором.

Далее в структуре текста появляется речевой акт благодарности: В. Фортов благодарит президента РФ, а также авторитетных общественных деятелей за содействие в разрешении сложной ситуации: *Я хочу поблагодарить президента Российской Федерации, который взял в свои руки управление этим процессом. Он встречался с Евгением Примаковым, встречался с президентами 3-х академий, встречался с Юрием Осиповым.*

Доктор Рошаль к нему подходил, ректор МГУ Виктор Садовничий. Были подробные дискуссии [16]. Здесь чередой прецедентных имен реализует аргумент «Ссылка на авторитет».

От неразвернутого аргумента Были подробные дискуссии говорящий резко переключается на развитие микротемы «Перспективы реформирования РАН»: И сегодня ситуация такова, что мы имеем шансы вырваться на приемлемый документ. Второе чтение прошло, и там были учтены многие наши предложения. Я не буду их детализировать. Тем не менее, многое еще осталось. Я предложил бы собрать рабочую группу между представителями Думы, Российской Академии наук. Может быть, министерств. И – продолжить работу так, чтобы получился документ, который не вред нанесет нашей науке, а принесет большую пользу. Я уверен, что у нас для этого есть шанс [16].

В рамках данной микротемы аргументация распадается на план прошлого (то, что сделано: во втором чтении проекта реформы учтены многие предложения сотрудников РАН) и представление программы будущих конструктивных действий. Гипотетический характер второго аргумента, с нашей точки зрения, можно было бы нивелировать путем замены условного наклонения изъявительным, явно усиливающим персуазивный эффект: ср. Я предложил бы / Я предлагаю.

Далее в микротематической структуре речи явно обнаруживается композиционный сбой: В. Фортов

вновь продолжает критику первого проекта РАН, но не последовательным путем деления тезиса на подтезисы, а посредством косвенной апелляции к Минобрнауки России и общественности: *Я хотел, чтобы все-таки мы все здесь собравшиеся услышали, кто же написал первый проект. Кто автор этого произведения? Потому что кто автор произведения сегодняшнего, вот мы знаем. Это – коллеги, которые в обстановке диалога и в сопоставлении мнений сделали второе чтение. Но я бы, например, очень хотел бы посмотреть на этого человека [16].*

Заслуживает внимания и заключительная часть анализируемого текста. Заключение носит выраженный суммирующий характер, и его верхняя граница маркирована вводным словом *Итак*: *Итак, я думаю, что мы сегодня движемся в нужном направлении. Я очень надеюсь, что мы вырвем на нормальное решение, которое не принесет вред нашему общему делу. И наша задача сделать все, чтобы было именно так [16].*

Очевидно, что механизмы создания текста, запущенные в рамках диспозитивного этапа, актуализируют в первую очередь такие типологические параметры РТ, как **аргументированность, персуазивность и актуальность**, формирующие его прагматический потенциал.

И наконец рассмотрим элокутивные особенности текста выступления В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна». Центром семантического пространства текста

становится высказывание *Мы имеем шансы вырулить на приемлемый документ*, которое рефреном повторяется и в заключении речи президента РАН: *Мы вырулим на нормальное решение, которое не принесет вред нашему общему делу* [16].

Использование лексических единиц *вырулить* и *нормальное решение*, являющихся ключевыми в данном тексте и вносящих в общественно-политический дискурс нарочитую разговорность, вряд ли может трактоваться как средство выразительности. В данном случае можно говорить об экспромте автора, нежели о риторической разработанности словесного воплощения.

В свете отмеченной установки на разговорность стоит отметить и метонимические обороты *разваливается вся наука и люди попадали бы в руки чиновников*, и фразеологизм *свалился (проект – Л.Г.) как снег на голову*, лаконичные и емкие определения, имеющие сугубо ситуативный характер, типа *собственность – это очень маленькая часть наших дел*, а также метафорическое сравнение Академии наук с клубом по интересам.

Особо стоит отметить и синтаксическую организацию текста выступления В. Фортова, имитирующую открытый и живой разговор с включенной в конфликт аудиторией. Так, уже само эллиптическое высказывание-тезис *Мы – за реформу* задает тон лаконичности изложения. Эллипсис и парцелляция становятся характерными для данного текста

фигурами. По сути, метаязыковая характеристика *Я хочу коротко сказать*, данная во вступлении речи В. Фортовым, оказывается в полной мере реализованной говорящим.

Кроме того, для полного и адекватного понимания выступления президента РАН чрезвычайно важен учет такого фактора, как прагматическая пресуппозиция: уверенность в знании слушающих ситуативного контекста, участников конфликта, событийного содержания, предшествующего текущей коммуникативной ситуации, позволяет говорящему не вербализовать часть информации. Такая установка, на наш взгляд, реализует коммуникативно-речевую тактику ограничения участников конфликта, направленную на отстранение от возникшей конфронтационной ситуации людей «со стороны» – соглядатаев-непрофессионалов, культивирующих идеологию конфликта: *Мы к ним готовы. У нас есть план реформ. Вот есть такая книга, где прописано очень подробно: как будет развиваться реформная база <...> Значит, мы получили этот проект. Я имею в виду предыдущий проект* [16]. Здесь частотность использования индексальных знаков *вот, такая, этот (проект)* и др. снижает информативную насыщенность текста и создает эффект общения посвященных.

Укажем и на обилие в тексте выступления В. Фортова средств, выражающих интерперсональные отношения. К ним относят местоимения 1-го и 2-го лица, притяжательные местоимения, мы- и

вы-высказывания, обращения [10; 11].

На первый план в анализируемом тексте выходят средства авторизации, поскольку говорящему важно показать именно свое отношение к сложившейся ситуации, свою заинтересованность, свою включенность в управление социальными отношениями: *Я уверен, что у нас для этого есть шанс. Я хотел, чтобы все-таки мы все здесь собравшиеся услышали, кто же написал первый проект <...> Итак, я думаю, что мы сегодня двигаемся в нужном направлении. Я очень надеюсь, что мы вырлим на нормальное решение, которое не принесет вред нашему общему делу* [16].

Текст изобилует высказываниями с местоимением *мы*, выражающими именно коллегиальное *мы*, объединяющее РАН как организацию, президента РАН и ее сотрудников: *Мы эту реформу обсуждаем уже в течение 2-х лет. <...> Мы к ним готовы. У нас есть план реформ. <...> Мы не можем согласиться с тем, что предлагалась ликвидация Академии наук и создание некоего нового органа. Мы – против того, чтобы Академия наук превращалась в клуб по интересам* [16].

Стоит отметить, что в данном тексте *мы-высказывания* акцентируют внимание не только на идеи общности российских ученых, но и демонстрируют наличие у них общего видения механизмов разрешения конфликта и перспектив развития РАН.

Таким образом, обзор элокутивных параметров

выступления В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна» выявляет прагматическую интенцию говорящего, связанную с активным использованием системы средств авторизации и адресации. Отмеченные явления позволяют говорить о выраженном **авторстве** и **адресности** настоящего текста, следствием которых выступают его **публичность** и **диалогичность**. Последняя, сформировавшись на лексическом уровне, распространяется на уровень текстовый, способствуя формированию доверия слушателей. Кроме того, выявленная тенденция к редукции информации, к активному использованию индексальных знаков, отсылающих к невербализованным фоновым знаниям коммуникантов, позволяет отсекаать соглядатаев назревшего конфликта и обосновывает такой критерий РТ, как его **актуальность**, привязанность к «зlobe дня».

Проведенный анализ позволяет заключить, что выступление В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна», направленное, прежде всего, на урегулирование противостояния между РАН и Минобрнауки России, создавалось в соответствии с риторической процедурой текстообразования, заданной структурой риторического канона. Этот факт обосновывает еще один выделяемый исследователями текстуальный параметр РТ – **осознанность**. Кроме того, в ходе анализа текстообразования удалось установить корреляцию между этапами создания РТ и

актуализацией тех или иных его критериев.

Таким образом, эффективность РТ определяется совокупностью его типологических параметров, таких как авторство, адресность, диалогичность, публичность, аргументированность, персуазивность и актуальность. Кроме того, интенциональная

прагматическая установка на создание текста-перформатива и осознанное отношение автора к процедуре текстообразования обеспечивают в итоге формирование такого риторического продукта, который способен выступать в качестве средства управления общественными процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Т.В. Современная деловая риторика / Т.В. Анисимова, Е.Г. Гимпельсон. – М.-Воронеж, 2004. – 432 с.
2. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление / А.А. Ворожбитова. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.
3. Гаррсен Б. Схемы аргументации / Б. Гаррсен // Важнейшие концепции теории аргументации. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 22–122.
4. Голоднов А.В. Аргументативная структура риторического (персуазивного) текста / А.В. Голоднов // Вестник Иркутского государственного университета, 2010. - № 1 (9). – С. 109–114.
5. Гольшклина Л.А. Риторика. Основы теории. Практикум: учебное пособие / Л.А. Гольшклина. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. – 232 с.
6. Гольшклина Л.А. Риторический текст как инструмент конструирования реальности // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сборник материалов IV международной науч.-методич. конференции. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 49–59.
7. Гольшклина Л.А. Феномен риторического текста: к проблеме осмысления типологических свойств и механизмов формирования / Л.А. Гольшклина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение, 2012. – № 3 (2). – С. 25–28.
8. Земская Ю.Н. Основы общей риторики: учеб. пособие / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин; под общ. ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2000. – 110 с.
9. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) / Е.В. Клюев. – М.: Изд-во ПРИОР, 1999. – 272 с.
10. Колокольцева Т.Н. Фрагменты современной президентской риторики (Интерперсональные отношения в теледиалоге Президента с гражданами России) / Т.Н. Колокольцева // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. – С. 185–193.
11. Кормилицына М.А. Риторическая организация речи (адресованность речи) / М.А. Кормилицына // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов, 2001. – С. 211–222.

12. Минеева С.А. Диалогические основы развивающего образования: размышления об «идеальной форме» и трудностях достижения [Электронный ресурс]. – URL: http://www.experiment.lv/rus/biblio/obraz_21veka/2.3_mineeva.htm
13. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово / А.К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
14. Панов М.И. Риторика / М.И. Панов, Л.Е. Тумина // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник под ред. М.И. Панова. – М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005. – С. 323– 328.
15. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики / Ю.В. Рождественский. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 176 с.
16. Фортов В. Е. Выступление на круглом столе «Открытая трибуна» 10 июля 2013 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ras.ru/News/ShowNews.aspx?ID=728187bd-b957-4ebe-9fcd-f559474bbe17&print=1>

REFERENCES

1. Anisimov T.V. Modern business rhetoric / T.V. Anisimov, E.G. Gimpelson. – Moscow-Voronezh, 2004. - 432 p.
2. Vorozhbitova A.A. Theory of Text: anthropocentric direction / A.A. Vorozhbitova. - М.: Higher School, 2005. - 367 p.
3. Garrsen B. Argumentation schemes / B. // Garrsen important concepts of the theory of argumentation. - SPb.: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2006. - pp 22-122.
4. Golodnov A.V. Argumentative structure of the rhetorical (persuasive) text / AV Golodnov // Bulletin of Irkutsk State University, 2010. - № 1 (9). - P. 109-114.
5. Golyshkin L.A. Rhetoric. Fundamentals of the theory. Workshop: Tutorial / L.A. Golyshkin. - Novosibirsk: Publishing House of the NSTU, 2008. - 232 p.
6. Golyshkin L.A. Text as a rhetorical tool of constructing reality // Intercultural Communication: Linguistic and linguodidactic aspects: proceedings of the IV International scientific-Methodological. conference. - Novosibirsk: Publishing House of the NSTU, 2013. - P. 49-59.
7. Golyshkin L.A. The phenomenon of rhetorical text: the problem of interpretation of typological properties and mechanisms of formation / L.A. Golyshkin // Bulletin of Vyatka State Humanities University. Philology and art history, 2012. - № 3 (2). - P. 25-28.
8. Zemskaya Y.N. Fundamentals of general rhetoric: studies. Benefit / Y.N. Zemsky, I.Y. Kachesova, N.V. Panchenko, A.A. Chuvakin; under the total. Ed. A.A. Chuvakin. - Barnaul publ Alt. University Press, 2000. - 110 p.
9. Kliuev E.V. Rhetoric (Invention. Disposition. Elokutsiya) / EV Klyuyev. - М.: Publishing House of PRIOR, 1999. - 272 p.
10. Kolokoltseva T.N. Fragments of modern presidential rhetoric (Interpersonal relations with citizens teledialoge President of Russia) / T.N. Kolokoltseva //

- Problems of speech communication: Hi. Sat. scientific. labors. - Saratov: Saratov in the University, 2003. - P. 185-193.
11. Kormilitsyna M.A. Rhetorical organization of speech (speech addressing) / MA Kormilitsyna // Good speech / ed. M.A. Kormilitsyn, OB Sirotinina. - Saratov, 2001. - P. 211-222.
 12. Mineeva S.A. Dialogic foundations of developmental education: Reflections on the "perfect shape" and the difficulty of achieving [electronic resource]. - URL: http://www.experiment.lv/rus/biblio/obraz_21veka/2.3_mineeva.htm
 13. Mikhalskaya A.K. Fundamentals of rhetoric. Thought and word / AK Mikhalskaya. - M.: Education, 1996. - 416 p.
 14. Panov, M.I. Rhetoric / M.I. Panov, L.E. Tumina // Effective Communication: History, Theory, Practice: Glossary of Ed. MI Panova. - M.: Company "Agency" kupa Olympus ", 2005. - pp 323- 328.
 15. Christmas Y.V. Principles of modern rhetoric / Y.V. Christmas. - M.: Flint: Science, 2003. - 176 p.
 16. Forts V.E. Speech at the roundtable "Open Tribune" July 10, 2013 [electronic resource]. - URL: <http://www.ras.ru/News/ShowNews.aspx?ID=728187bd-b957-4ebe-9fcd-f559474bbe17&print=1>